

Сейл Киркпатрик. Война за дикую природу в США

1990, источник: [здесь](#)

На переднем плане было спасение дикой природы — с начала (20-ред.) века это был традиционный стимул природоохранного движения, и это, естественно, было основной сферой деятельности традиционных организаций. Фундаментальное отношение к природе, принесенное на эти берега европейскими колонистами, продолжаемое каждым следующим поколением, было отношением пользования и эксплуатации, однако с самого начала всегда было течение, исповедующее благоговение и благодарность, иногда даже религиозное поклонение. История природоохранного движения до середины двадцатого века была конфликтом этого дуализма, поскольку незначительное меньшинство преклоняющихся перед природой пыталось сдержать сторонников её эксплуатации — Джон Мюир называл их «эти разрушители храмов, поборники дикого коммерциализма» — и факт остаётся фактом, что некоторые победы в борьбе за сохранение дикой природы были одержаны благодаря их усилиям. Однако это всегда была борьба негативного типа, препятствующая деятельности «добытчиков», удерживающая руку «разработчиков», реагирующая на угрозы как правительственные, так и корпоративные. Мечта о переходе в наступление, о том, чтобы вынудить Конгресс принять решение о сохранении обширных территорий нетронутый земли как постоянных защитных участков дикой природы — мечта, существующая ещё с 1920-х годов, когда Олдо Леопольд убеждал Службу леса создать первый официальный охраняемый участок дикой природы в национальном лесу Джила, — эта мечта десятилетиями оставалась неосуществлённой, встречая яростное сопротивление. Затем наступили 60-е годы.

В конце 50-х годов Говард Занисер из Общества охраны дикой природы разработал проект закона о дикой природе для рассмотрения в Конгрессе; слушания начались в 1957 г. и продолжались с перерывами в последующие годы, при мощном интересе со стороны общественности и упорном сопротивлении законодателей, оказываемом при каждом следующем шаге. Но в каждом новом десятилетии кампания в защиту природы воодушевлялась новой энергией, появлялось новое понимание того, как действовать против упорствующего правительства: традиционные группы сторонников охраны природы, такие как Общество охраны дикой природы, Сьерра Клуб, Общество Одюбона и даже Лига Иссака Уолтона создали сеть для координации стратегии и членства, нашлись союзники в таких организациях как Национальное общество членов торговой палаты и Федерация женских клубов, масса статей была подготовлена как специальными природоохранными, так и общими журналами, и была организована общественная кампания для создания мощной поддержки со стороны простых людей. К 1962 г. Конгресс получал больше писем в

поддержку закона о дикой природе, чем относительно любого другого законодательного акта, и такое давление уже невозможно было игнорировать.

В конце концов, как это иногда бывает с нашей государственной законодательной властью, закон о дикой природе был поставлен на голосование в Палате представителей в 1963 г. и в Сенате в 1964 г., был принят подавляющим большинством голосов и введен в действие с 9 сентября 1964 г. И опять-таки, как это часто случается, закон был существенно выпотрошен: на землях системы дикой природы разрешалась в будущем добыча полезных ископаемых, Президент получил право санкционировать строительство плотин и электростанций на этих землях; было отведено только 9,1 млн. акров вместо 60 млн. государственных земель и громоздкая система бюрократического и правительственного контроля заменила схему сотрудничества граждан и правительства. И всё же это был Закон о дикой природе, и он прямо и непосредственно заставил государство заниматься проблемой вечной охраны значительных территорий, «где земля и всё, что её населяет, не потревожено человеком, где человек — только гость и не остаётся там», как говорится в преамбуле. Национальная система территорий дикой природы увеличилась до 90 млн. акров, включая 474 участка частных земель. Общество охраны дикой природы, поздравляя закон с серебряным юбилеем, назвало его «одним из важнейших — даже революционных — природоохранных начинаний в истории».

Размяв мускулы в борьбе за закон об охране дикой природы (и обнаружив, что они стали сильнее, чем когда бы то ни было прежде, хотя и не такими мощными, как хотелось бы), ведущие организации снова приступили к действию, когда в 1966 г. Бюро мелиорации земель объявило о планах строительства двух плотин, чтобы затопить 150 миль реки Колорадо в Большом Каньоне. На этот раз лидером стал Сьерра Клуб, воспользовавшись своей репутацией старейшей природоохранной организации страны. Несколько десятилетий он вёл скучно-дремотную жизнь клуба для джентльменов, а тут о нём снова заговорили как о группе активистов с серьёзным политическим влиянием. И хотя признавалось, что это была одна из тех защитно-реактивных битв, которые постоянно велись природоохранными организациями, — строительство плотин казалось такой же мощной государственной политикой, как и сами реки, — на этот раз Сьерра Клуб ввёл в драку нового человека, новую стратегию и новые группы населения.

Этим человеком был Дэвид Броуэр, которому было тогда 54 года, ветеран боёв Сьерра Клуба с 30-летним стажем (и его исполнительный директор с 1952 г.). Он вполне соответствовал духу 60-х годов и был способен принудительно внедрить имя Сьерра Клуба равным образом в сознание активистов природоохранной деятельности и сторонников её эксплуатации. В 1960 г. он составил издательскую программу Сьерра Клуба, которая представила миллионам американских домохозяек прекрасные и драматические снимки и описания дикой природы. И он лично путешествовал по Америке — и по всему миру, — десантируясь в аудиториях, пропагандируя там свои идеи и услаждая собравшихся своей искренностью и чувством юмора. Джон Макпи в своём очерке в журнале «Нью-Йоркер» называл его «архидруидом» (главным жрецом) охраны природы и «несомненно самым мощным голосом в природоохранном движении нашей страны.»

Дэвид Броуэр со всей настойчивостью взялся за проблему Большого Каньона, вооружившись тактикой, которая была совершенно в духе времени. Во-первых, он запустил серию рекламных объявлений против проекта на полную газетную полосу («Большой каньон — вот что они хотят затопить на этот раз. Большой каньон!») с купонами и указаниями, как писать соответствующим конгрессменам, — новый приём по тем временам; затем добавил проспекты и наклейки, переиздал потрясающую книгу фотографий «Время и реки текут», заказал два полнометражных цветных фильма; и сам он неутомимо делал доклады, произносил речи, представлял доказательства соответствующим комитетам. Это был Сьерра Клуб в пике своей формы, «цвет природоохранного движения», как аттестовал его «Нью-Йорк Таймс» в 1967 г.

И это сработало. Письма наводняли кабинеты Конгресса, тысячи телефонных звонков и телеграмм врывались в них, статьи были в центре внимания прессы страны, формировалась сеть групп простых людей, чтобы продолжать оказывать давление в низах. (Правительство ничего не добилось, натравив в июне на клуб Службу внутренних доходов, отрицая статус клуба как освобождённого от налогов на том основании, что он занимался «широким» лоббированием, что немедленно вызвало гнев общественности). Бюро мелиорации предложило в качестве компромисса строительство одной плотины, предложение было осмеяно, и к началу 1967 г. Администрация отменила проект полностью; Конгресс в конце концов согласился, официально отказавшись от него в июле 1968 г. «Эти природоохранники подняли такие страсти, — сказал один конгрессмен, — каких и в аду не бывает».

Число членов Сьерра Клуба взлетело от 39 тыс. в 1966 г. до 67 тыс. в 1968 (и до 113 тыс. в 1970), что сделало его второй по величине природоохранной организацией после гигантской Национальной федерации дикой природы (365 тыс. в 1968 г.), однако то, что клуб потерял свой статус освобождённого от налогов, привело к потере значительных доноров и вызвало серьёзные финансовые проблемы.

Однако было поднято и взбудоражено не только это, а нечто большее, то, что в дальнейшем сыграло существенную роль в развитии всей природоохранной деятельности. Впервые большой сегмент американского общества во всеуслышание заявил, что люди предпочитают реки плотинам — плотинам, которым исторически отдавали предпочтение все администрации, обе партии Конгресса, разработчики любого рода, и поколения, которые аплодировали превращению темноты в зарю. Теперь эти плотины рассматривались многими как незаконное вторжение бетона в мир дикой природы, имеющий свою целостность, свою красоту, и свои права. Провал проекта строительства плотин в Большом Каньоне, а также создание Системы участков дикой природы (и позднее, в 1968 г., Национальной системы диких и живописных рек), были важным поворотным пунктом в отношении американцев к земле: природа, или по крайней мере какие-то отдалённые её части, существует не просто для того, чтобы ею манипулировать и эксплуатировать её, но и, что не менее важно — для того, чтобы охранять её и лелеять.

Второе новое измерение 80-х, радикальная природоохрана (радикальный инвайронментализм), было децентрализовано подобным же образом и часто так же возникало как ответ на деятельность властей, но его обычно вдохновляли люди, имеющие значительный политический опыт, на который оказали влияние взгляды 60-х; люди,

информированные за годы работы в фарватере природоохранного движения. Их резоны и их тактика, не говоря уж об их стиле и риторике, выросли непосредственно из противостояния тому, что они рассматривали как реформизм и «кооптацию» большинства в то время, когда опасности, казалось, растут, а государственное руководство не поддаётся воздействию. В числе обвинений, которые они выдвигали, было то, что старые организации были чересчур законопослушны («Никогда не поддерживайте никаких законодательных актов, — говорил Дэйв Формен, ставший более радикальным после десятилетия официального [«в костюме и при галстук»] лоббирования в Вашингтоне; — всегда требуйте большего»); чересчур профессиональны («Появилась новая группа профессиональных бюрократов, — утверждала Лорна Зальцман, бывшая одно время активисткой FOE в Нью-Йорке (Friends of the Earth — «Друзья Земли», международная экологическая организация), — которые сидят там не для дела, а для высокопарных разговоров о работе в «интересах общества»); и чересчур ограничены («Эти природоохранники-реформисты не имеют ни программы, ни видения перспективы, — доказывал Джордж Сешнс, профессор философии в Сьерра Колледже, — они приблизительно на том же уровне, что и сотрудники исправительных учреждений»).

Возникновение этого нового направления и их критика в адрес старших была достаточно серьёзной, чтобы заставить Майкла Макклоски, директора Сьерра Клуба с 1969 по 1985 г., и следующего председателя клуба, послать в январе 1986 г. конфиденциальный меморандум совету директоров, предупреждающий о «новых, более воинственных» деятелях природоохранного движения. «Это люди, которые без колебаний критикуют главных игроков, таких как Сьерра Клуб, — писал он, — но их цель больше, они хотят «изменить взаимоотношения отдельных людей и общества, а также методы работы общества». Вопрос, который они ставят перед движением — «разумно ли это — работать в контексте основных существующих общественных, политических и экономических учреждений для достижения постепенного прогресса, или основная энергия должна быть направлена на изменение самих этих учреждений?» И добавил: «Они просто утописты. Мы, возможно, реформисты и всё такое, но мы знаем, как работать в контексте существующих в обществе учреждений — а они просто пускают дым».

Не совсем дым. Новые радикалы могли иногда быть скорее шумными, чем последовательными, иногда неудачи заставляли их предпринимать недостаточно хорошо спланированные действия, иногда они попадались в ловушки, будучи вынуждены выступить перед обществом, не выполнив как следует домашнего задания, — короче говоря, демонстрировали неудачи любой большой группы совершенно разных людей, выступающих на общественной арене против существующего положения вещей. Но в десятилетие восьмидесятых они внесли свой вклад.

Несмотря на различия, иногда существенные, что обычно объединяло радикальных активистов охраны природы — это основополагающая критика доминирующего антропоцентрического западного взгляда на мир и ощущение того, что переход к экологическому или биоцентрическому мировоззрению должен быть сделан как можно скорее, при активном и резком побуждении в случае необходимости. Эта чуткость была глубоко экологичной в смысле понимания действительной взаимозависимости между видами и местами их обитания (и обязательно ограниченной ролью человека в них), а также и глубоко радикальной, поскольку требовалось перевернуть вверх дном все ценности и

убеждения (верования) индустриального общества. В общем, говоря словами философа Джорджа Сешнса, «это доказывает, что основные допущения, на которых зиждется величественное современное индустриально — урбанистическое здание западной культуры, ошибочны и чрезвычайно опасны. Переход к экологически гармоничной парадигме потребует тотальной переориентации основного направления европейской культуры».

Среди проявлений этого нового радикализма выделяются четыре взаимопересекающихся направления.

Биорегионализм (bioregionalism) — идея, что землю нужно понимать как ряд зон жизнеобитания, определяемых топографией и биотой, а не людьми и их законодателями, впервые появилась в Америке. Человеческие общества представлялись организованными по биорегионам, исповедующими такие ценности как охрана и стабильность, а не эксплуатация и прогресс, сотрудничество и разнообразие, а не конкуренция и однообразие, децентрализация и разделение, а не централизация и монокультура; как говорилось в одной из первых формулировок, «биорегиональное движение стремится воссоздать широко распространённое понимание региональной целостности, основанное на возобновлённом критическом знании о целостности наших экологических сообществ и уважении к ним».

Само движение началось в Калифорнии в конце 1970-х годов, и к середине 1980-х оно уже охватывало около 60 местных организаций. Некоторые из них были собственно биорегиональными советами, например, Озаркс, Канзасская прерия, Долина Гудзона, Северозапад; у других, таких как Национальный центр воды в Арканзасе и «Друзья деревьев» в штате Вашингтон, были свои специфические интересы, соответственно их названиям; иные, в частности, Аппалачи, долина реки Колумбия, зона залива Сан-Франциско, Кейп Код, издавали периодические журналы по биорегиональным проблемам. Первый из ряда конгрессов континента, проводившихся раз в два года, целью которого было определить порядок действий в отношении природоохранных проблем и установить связи между всеми участниками движения, состоялся в Озарксе в 1984 г. С тех пор были проведены совещания в Мичигане, Британской Колумбии, Мэйне и Техасе.

Глубинная экология (deeper ecology), впервые изложенная норвежским философом Арне Нейсом в семидесятых годах, была представлена в США, прежде всего, Джорджем Сешнсом и социологом Биллом Девиллом, который был соавтором её первого популярного изложения в 1984 г. В отличие от того, что Нейс назвал «мелким энвайронментализмом (environmentalism)» основного природоохранного движения, глубинная экология сосредоточивается на таких положениях, как: экологическое равенство, право каждого вида на существование и выживание с равной, присущей каждому из них «внутренней ценностью», независимо от его важности для человека; разнообразие и изобилие всех форм жизни, которые нельзя сокращать, оставляя только необходимые для удовлетворения «жизненно важных потребностей»; резкое сокращение человеческой популяции, так чтобы все остальные виды могли не только выжить, но и иметь достаточное местообитание для процветания; сохранение дикой природы как нетронутого местообитания, имеющего право на собственную ценность; самореализация человечества посредством снижения уровней потребления и использования ресурсов. Несмотря на сложность этих идей, они быстро нашли последователей в США — и во всём мире, включая Канаду, Австралию и Северную

Европу, — и оказали особенно сильное влияние как на радикальных активистов, так и на учёных — философов.

Глубинная экология стала объектом яростных нападок со стороны ветерана-писателя Мюррея Букчина и ряда его сторонников, начиная с резкой обличительной речи на первом в США митинге Зелёных в Амхерсте в 1987 г. Букчин, который долгое время является анархистом традиционной левой ориентации и создателем того, что он сам назвал «социальной экологией», обвинил глубинных экологов в игнорировании социальных систем и их несправедливостей, в том, что они не видят «социальных корней» экологического кризиса; высмеивая биоцентризм как просто ещё один «центризм», он заявлял, что унижительно рассматривать людей как «просто один из видов» и назвал «мальтузианством» и «мизантропией» пропаганду сокращения населения. Этот спор, с разной степенью освещённости и горячности, продолжался несколько лет и во многих периодических изданиях, но в конечном счёте свёлся к тому, рассматривать ли экологический кризис как результат неправильного психологического отношения индустриального общества (материализм, гуманизм, технофилия), неспособного достичь гармоничных, духовных взаимоотношений с природой, что утверждали глубинные экологи, или считать его результатом неправильного социоэкономического устройства капиталистического общества (классовое господство, иерархичность, бюрократия) с его накопительным, конкурентно-рыночным отношением к природе, как считали социальные экологи. Как бы то ни было, — кризис.

Экофеминизм — синергическая смесь феминизма в духе 60-х с экологией в духе 80-х, с акцентом на связях между господством над женщинами и их эксплуатацией и господством над природой и её эксплуатацией, — и то, и другое как результат мужского господства в обществе. Вдохновляемый отчасти двумя книгами — «Женщина и природа» Сьюзен Гриффин (1978) и «Смерть природы» Каролины Мерчант (1980), экофеминизм пытался выйти за пределы прежних феминистских идей, в частности, поднимая вопросы, рассматривавшие женщину в более широком контексте, чем чисто экономический. «Почему женщина и природа связаны и принижены нашей культурой?» — спрашивала одна из первых его поборниц, Инестра Кинг. «Зависит ли освобождение одной от освобождения другой?» Он также пытался выйти за рамки того, что считалось ограниченностью других радикальных течений, поднимая вопрос об «андроцентризме», значении доминирования мужчин как настоящей сердцевины эко-кризиса, и о патриархате как важнейшем инструменте для понимания западного господства над природой. Как и глубинная экология, экофеминизм имел значительное число сторонников в студенческих обществах, на женских курсах, — на философских факультетах особенно, и вызвал в это десятилетие настоящий поток книг и статей; кроме того, в эти годы было проведено несколько конференций экофеминистов, крупнейшей и наиболее представительной из которых была конференция в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе весной 1987 г.

Гипотеза Геи, сформулированная британским учёным Джеймсом Лавлоком в небольшой книжке, вышедшей в 1979 г., заключалась в предположении, что, поскольку Земля, совершенно очевидно, зарегулирована таким образом, чтобы поддерживать свою температуру, атмосферу, гидросферу на постоянном уровне с необычайной точностью миллионы лет, её вполне можно рассматривать как живой организм. Гипотеза Геи сразу

стала популярной среди многих неспециалистов как удобная метафора для биоцентрических представлений о земле; она породила значительное число подобных исследований (а также конференций, маек, учебных групп, и океанское судно «Викинг»), поддерживавших позиции, созвучные с этими радикальными воззрениями. Интересно отметить, что эта гипотеза, казалось, воплощала представления, не очень далёкие от представлений различных первобытных племён, в том числе американских индейцев. Как раз в это время освещались данные о них как об образцовых экологах: в мифах большинства индейцев земля представлялась единым живым существом, а потому поведение и мысли должны быть такими, чтобы обеспечить её безопасное, продуктивное существование.

Эти представления радикального природоохранного движения, естественно, способствовали возникновению в эти годы большого количества организаций, некоторые из них достигли национального уровня, в том числе:

«Земля — прежде всего!» («Earth First!» — «EF»), более или менее организованное выражение деятельной стороны нового радикализма, основанная у костра Дейвом Формэном и горсткой других разочарованных деятелей основного направления природоохранного движения в 1980 г. Намеренно неформальная, без национального штата сотрудников, внутреннего распорядка, официальной регистрации, даже без членства, она просто исповедовала принцип, что «при принятии любого решения соображения о здоровье земли должны приниматься во внимание прежде всего», и что при выполнении этого принципа «не может быть никаких компромиссов в защиту Матери-Земли». Вдохновлённые отчасти романом Эдварда Эбби «Банда гаечного ключа», члены группы «Земля — прежде всего!» твёрдо отстаивали позиции защиты дикой природы и её биологического разнообразия и сделали воинственность основной частью своей тактики, позднее включившей партизанский театр, разные проделки в средствах массовой информации, гражданское неповиновение, и, неофициально, «экотаж» (также называемый «обезьяньи фокусы»): они повреждали бульдозеры и дорожно — строительные машины на общественных землях, вырывали вешки топосъёмки, спиливали рекламные щиты, ломали ловушки, и — их знаменитый приём — защищали произвольно выбранные деревья шипами, чтобы их не сносили и не распиливали. Нет достоверного способа проверить эти цифры, однако представитель «EF!» заявил, что такой «экотаж» обходился государству в 20 — 25 млн. долл. ежегодно.

При такой броской воинственности «EF!» сумела привлечь значительное число сторонников и к концу десятилетия включала уже более 75 отделений в 24 штатах (главным образом, на юго-западе и западном побережье), в Мексике и Канаде. Но ей пришлось поплатиться за свой успех: по словам Формэна, «с одной стороны, прилагаются объединённые усилия для того, чтобы умерить наш пыл, смягчить нас, очистить нас от пороков; с другой — появились попытки сделать из нас радикалов традиционного левацкого толка; и ещё -непрерывные усилия властей полностью нас уничтожить». Такое давление — включая проникновение ФБР, громогласный судебный иск против Формэна и других в июле 1989 г. и взрыв автомобиля с двумя активистами в мае 1990 г., — постепенно вынудило Формэна выйти из организации, а «EF!» в начале 90-х распалась на несколько соперничающих групп.

«Зелёные» Соединённых штатов», первоначально созданная как Комитеты по переписке на собрании в Миннеаполисе в 1984 г., приняла в качестве образца организацию «Зелёные Германии», 27 членом которой были избраны в бундестаг за год до того, и которая, казалось, указывала путь другим партиям Зелёных как в Европе, так и вне её. Американская версия развила свои философские «опоры» из четырёх основ германских Зелёных (экологическая мудрость, социальная ответственность, демократия низов, ненасилие), добавив к ним ещё шесть (экономика отдельных районов, децентрализация, пост-патриархальные ценности, разнообразие, глобальная ответственность, устойчивость) — всеобъемлющая программа в духе Новых левых, предназначенная для всех слоев населения. Опасаясь чрезмерной заорганизованности «сверху донизу», первоначальные основатели сконструировали неуклюжую систему местных подразделений и региональных представителей, плюс информационно-аналитический центр («клирингхауз») в Канзас-сити, что и стало не слишком эффективным средством развития движения Зелёных в США в последующие семь лет.

Постепенно организация выросла до 200 местных отделений во всех 50 штатах, изменила своё название на Green Committees of Correspondence (позднее — U.S.Greens), и остановилась на создании платформы и руководящего органа, которые позволили бы ей принять общегосударственную форму, что и было подтверждено национальной конвенцией в 1991 г. Однако, разбитая фракционностью, резкими спорами по поводу тактики, особенно в части методов партии и предвыборной борьбы, Зелёные больше преуспели на местах, особенно на западном побережье (они баллотировались в Калифорнии в 1992 г.), чем на общенациональном уровне.

Природоохранное общество «Морские Пастухи» (Sea Shepherd Conservation Society) было основано Полем Уотсоном после того, как его выгнали из организации Гринпис за чрезмерную воинственность; оно стало средством, с помощью которого он реализовал своё предвидение, которое пришло к нему во время ритуала в вигваме Сиу, что его судьба — спасать океанских млекопитающих, особенно китов. С «флотом», состоящим из одного судна, он и его команда посвятили себя тому, чтобы быть полицией морей; им удалось обезвредить не менее семи судов, незаконно занимавшихся китобойным промыслом; они боролись с судами, занимавшимися незаконной рыбной ловлей с помощью ребристых сетей, в которых запутываются морские млекопитающие и птицы, и принимали непосредственные меры, не исключая и «экотажа», чтобы воспрепятствовать охоте на тюленей в Канаде, убийству дельфинов в японских водах и китобойному промыслу в Северной Атлантике. Эта организация, включающая около 15 тыс. членом, приняла лозунг: «Мы не говорим о проблемах — мы действуем», и она действительно живёт согласно этому лозунгу.

«Барабан планеты» (Planet Drum) — первая официальная организация биорегионального движения — была создана в Сан-Франциско в 1970-х, чтобы стать активным центром публикаций, докладов, спектаклей и семинаров, посвящённых этой новой философии. Благодаря своей газете «Raise the Stakes» («Повышайте ставки») и серии документов, поступавших из различных биорегионов и рассылавшихся членам организации, она стала эффективным цементирующим ядром всего движения; её программа «Зелёный город», разработанная с целью продемонстрировать, как биорегиональные идеи могут быть использованы в условиях города, стала моделью экологических платформ Сан-Франциско и

других городов западного побережья.

Хотя диапазон радикальных природоохранных групп чрезвычайно широк и не всегда однороден, нет сомнения, что они отразили реально существующее течение природоохранного движения, течение, которое оказало влияние прежде всего на местном уровне и на специфические проблемы, однако не раз оно побуждало к действию и организации государственного уровня. Как бы ни заявлял о себе радикализм 80-х — в форме «экотажа» или философских периодических изданий, семинаров или демонстраций, — он действительно поднял реальные вопросы — и ставки — Американского природоохранного движения.

К концу президентского правления Рейгана в 1989 г., как бы бросая вызов реакции Рейгана, природоохранное движение по всем его направлениям было сильнее, чем когда-либо прежде. Оно действительно росло полиморфно, и в столице, и в низах, разные его потоки тоже имели много различных организационных форм с огромным разнообразием ресурсов и многочисленными целями, — это движение, которое прошло путь от консервативной Лиги Исаака Уолтона и клубов любителей птиц старшего поколения до групп Морских пастухов и «обезьяньих фокусов» — оно, без сомнения, присутствовало на национальной сцене. Его присутствие ощущалось и среди профессиональной правящей верхушки мультимиллионных государственных офисов, оперирующей в высочайших коридорах власти, и в популярных многочисленных группах, побуждаемых NIMBY, которые сейчас можно найти почти в каждом мельчайшем населённом пункте страны, в огромном котле творческой и влиятельной радикальной мысли и непосредственного действия, и, наверное, в мириадах иных групп и влияний, которые не попадают ни в какую категорию. По крайней мере, оно было достаточно сильным, чтобы выстоять под ударами популярного президента, умевшего убеждать, — как отметил Стюарт Юдалл, «ясно, что в вопросах охраны окружающей среды Рональд Рейган восемь лет грёб против главного американского течения», — и выйти невредимыми, сохранив свои ценности, цели и энергию.

Версия #1

Зверобой создал 26 сентября 2025 08:26:04

Зверобой обновил 26 сентября 2025 08:27:29